



воззрение специалиста в области физической культуры и спорта как суперсистему, складывающуюся из частных функциональных систем, формирующихся и совершенствующихся в процессе индивидуальной жизни. Полезным приспособительным результатом и системообразующим фактором таких функциональных систем является состояние комфортного пребывания в различных профессиональных условиях, т.е. определения своего места в мире.

Примечания

- ¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. С. 195.
- ² Там же. С. 195.
- ³ Baily K. D. Methods of Social Research. N.-Y. ; London, 1982. P. 25.
- ⁴ См.: Савельев М. Ю. Формирование личностных ценностей физической культуры у будущих специалистов

сферы образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2008. С. 7–8.

- ⁵ См.: Судаков К. В. Общая теория функциональных систем. М., 1984. С. 26.
- ⁶ См.: Анохин П. К. Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Вопр. психологии. 1974. № 4. С. 21–29.
- ⁷ См.: Судаков К. В. Указ. соч. С. 38.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. : в 39 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 42. С. 93.
- ⁹ Психология : словарь. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. В. Петровского [и др.]. М., 1990. С. 34.
- ¹⁰ Монозон Э. И., Рогова Р. М. Методологические и теоретические проблемы формирования коммунистического мировоззрения школьников. М., 1984. С. 13–18.
- ¹¹ Швырев В. С., Юдин Э. Г. Мировоззренческая оценка науки : критика буржуазных концепций сциентизма и антисциентизма. М., 1973. С. 5.

УДК 1(470) (091)

ЛОГОС И ДАО: ОТ МЕТАФИЗИКИ ДО АНТРОПОЛОГИИ

В. А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru



В статье сопоставляются первичные имена традиции Логоса и числовая матрица контртрадиции. К лестнице первичных имён, согласно авторской гипотезе, принадлежит также метафизическая и одновременно антропологическая метафора Дао. Логосцентристская русская Идея и китайская традиция Дао – каково их подлинное соотношение? Герменевтическое прояснение метафизики и антропологии этих традиций составляет содержание предлагаемой статьи.

Ключевые слова: Логос, Дао, археограмма мировой культуры, первичные имена, матрица числовых репрезентаций, русская Идея, И цзин – Книга Перемен.

Logos and Tao: from Metaphysics to Anthropology

V. A. Friauf

The article compares the primary names in Logos tradition and numeric matrix of antitradition. Tao as a metaphysical and also anthropological metaphor, according to the author's opinion, belongs to primary names' ladder. How does logocentric «Russian idea» relate to the Chinese tradition of Tao? Hermeneutic clarification of metaphysical and anthropological content of these traditions is the maintenance of the article.

Key words: Logos, Tao, archeogramma of the world culture, primary names, numeric matrix representations, Russian idea, I Ching – Classic of Changes.

Итак, если Логос и Дао имманентны миру, то предназначены выполнять какую-то функцию. Скажем, Логос – цель Бытия, его реализация – бытие в Истине: идеальный порядок, Космос, когда всем хорошо. А Дао – Путь к этой цели; следуя Дао, проходя цикл за циклом, «мир идет к Добру», или к реализации собственной Энтелехии. Но Цель и Средство едины, вместе, сообща выполняют мировой замысел, т.е. они не противоречивы, дополняют друг друга: если Логос – жизнь согласно Разуму (Ноосфера), то Дао – средство ее достижения. Потому Дао и называют «моральным законом», от которого нельзя отступить ни на шаг ни вправо, ни влево¹. Цитату из книги Т. П. Григорьевой я привожу уже потому, что эта книга – чуть ли единственная в России работа, в которой посредством философского анализа сопоставляются такие, казалось бы, далёкие друг от друга традиции, как античный принцип Логоса и китайская духовная традиция, которую принято номинировать малопонятным термином – Дао. Вместе с тем можно специально отметить: в этой статье мало общего с идеями книги Григорьевой – у нас разные методологические принципы анализа и, соответственно, разные теоретические результаты.

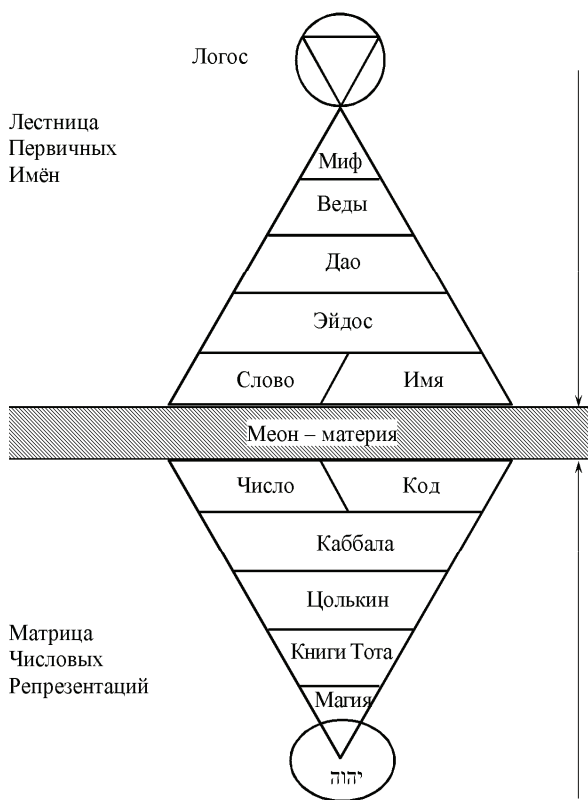


Целью моей работы является сопоставление метафизики и антропологии логоцентричной русской Идеи и даоцентричной китайской культурной традиции. Методология суть не что иное, как мировоззрение в действии. Теоретические идеи, взятые как инструментальный для получения нового знания, мы именуем методологическими принципами исследования. В этой связи для реализации цели предполагается решение следующих исследовательских задач:

- 1) *истолкование схемы археограммы мировой культуры в качестве методологии настоящего исследования;*
- 2) *сопоставление метафизических оснований русской Идеи и китайского принципа Дао;*
- 3) *антропологические следствия Логоса и Дао.*

В качестве методологического принципа для реализации цели своей статьи я предлагаю краткое истолкование понятия «археогрмма мировой культуры», более подробное толкование представлено в моих предыдущих статьях и монографиях².

Рассмотрим графическую схему как исходный пункт такого истолкования (рисунок).



Археогрмма мировой культуры

Схема археограммы мировой культуры демонстрирует два центра: первый обусловлен метафизической трансценденталией Логоса, второй – метафизической трансценденталией

Тетраграмматона. Традиция Логоса формирует свою манифестацию в виде так называемых первичных имён, контртрадиция Тетраграмматона – в виде матрицы числовых репрезентаций. Имя и Число, стало быть, являют собою не что иное, как два основных онтологических принципа. На это обстоятельство, кстати, обратил внимание гениальный русский мыслитель Павел Флоренский³. Заимствуя у «русского Леонардо» формулировку данных онтологических принципов, я придаю им иное толкование, так же как термину *первичные имена*, введённому А. Лосевым.

Итак, схема представляет манифестацию двух метафизических трансценденталий. То, что на схеме указано в качестве двойной разделительной линии и маркировано как «меон-материя», суть иное название космической реальности. Мы видим, что на космическую реальность с противоположных сторон воздействуют и Логос, и Тетраграмматон посредством лестницы первичных имён и матрицы числовых репрезентаций.

Следующий аналитический шаг – это лестница первичных имён и её соотношение с матрицей числа как онтологического принципа. Существует бинарная оппозиция между элементами лестницы первичных имён и элементами матрицы числовых репрезентаций, между Книгой Перемен и «календарём» Цолькин у классических майя. И эта связь требует объяснений и обоснования.

Такое обоснование существует в исследованиях как отечественных, так и зарубежных авторов: рассматривает связь И цзин с другими артефактами С. В. Петухов⁴. Из зарубежных авторов наиболее продуктивно разъясняет эту связь Х. Аргуэльес, его труды можно считать приоритетными⁵.

Прежде всего, вызывает интерес в этой бинарной оппозиции соотношение именного и числового начал. Ведь традиция Дао (см. рисунок) принадлежит лестнице первичных имён, являясь её своеобразной ступенью, в то время как цивилизация классических майя с её «календарём» Цолькин (как показали исследования Аргуэльеса, Цолькин – более чем календарь) – это форма проявления матрицы числовых значений. На это указано в работах Аргуэльеса, который обозначает Цолькин как матрицу 13 на 20 – тринадцать основных чисел и двадцать символов, которые символизируют также числовые значения.

Аргуэльес, сопоставляя И цзин и Цолькин, приходит к выводу, что в китайской Книге Перемен зашифрован код жизни (С. В. Петухов убедительно продемонстрировал, что гексаграммы Книги Перемен структурно идентичны генетическому коду человека), в то время как Цолькин дополняет тайну жизни числовым кодом природы света как такового. «Ицзин, – поясняет Аргуэльес, – основан на наборе двоичных математических перестановок, на которых базируется



также и то, что я называю “чистой” прогрессией майянских числовых гармоник, – на числовой последовательности 2, 4, 8, 16, 32, 64. В привычном нам виде *Ицзин* представляет собой совокупность возможных парных сочетаний восьми символов (триграмм), каждый из которых состоит из трёх черт – разорванных или сплошных. Сдвоенные триграммы образуют 64 возможных перестановки со сложным символическим значением, состоящих из шести черт (гексаграммы). Для сравнения, Цолькин основан на сочетаниях тринадцати чисел и двадцати символов, или Священных Знаков, то есть образует 260 возможных перестановок, каждая из которых представляет собой комбинацию одного из тринадцати чисел, одного из двадцати знаков и одного из четырёх направлений»⁶.

Таким образом, будем полагать установленным и доказанным, что бинарная оппозиция связывает две удалённых друг от друга – темпорально и географически – традиции Дао и майянского фактора. Дао выражает собою культурную форму манифестации одного из первичных имён, расположенных на логоцентристски фундированной лестнице первичных имён, в то время как Цолькин, или *майянский фактор*, выражает собой одну из форм числовых репрезентаций контртрадиции Тетраграмматона.

Далее необходимо установить подлинное соотношение метафизических оснований *русской Идеи* и китайской традиции *Дао*. В какой-то мере сделать это труднее, нежели обосновать рассмотренную выше закономерность, обусловленную бинарной оппозицией лестницы первичных имён и матрицы числовых репрезентаций.

В своё время, исследуя сущностное содержание русской Идеи, я пришёл к выводу, согласно которому спецификой русской Идеи является попытка русских мыслителей продумать связь конкретного национально-исторического содержания (и того, что Н. Бердяев именовал «судьбой России») с метафизическим измерением русской Идеи. Ведь термин «Идея» в данном случае основан на платоновском толковании идей-эйдосов как «ликос подлинного бытия» (А. Лосев)⁷.

Следовательно мы вправе сделать первые выводы обобщающего характера: ведь Дао, как отмечено ранее, является одной из ступеней манифестации Традиции Логоса, или – лестницы именитства. Русская Идея, в свою очередь, также суть не что иное, как форма репрезентации одной из ступеней той же лестницы именитства, расположенной следом за *Эйдосом* и номинированной сочетанием «Слово – Имя». Было указано на платоновский извод термина «Идея» в выражении «русская Идея». Пора пояснить смысл прилагательного – «русская», обусловленный происхождением русской духовной традиции, в силу её характерной связи с Православием из сочетания «Слово – Имя». Византийский след,

т. е. преемственность античной греческой мысли и восточно-христианского толкования смысла христианской Благой вести здесь хорошо заметен и много раз был продуман в исследованиях по истории русской философии и русского богословия.

И всё-таки как обстоит дело в случае сопоставления таких ступеней лестницы именитства, как Дао и Слово–Имя? И ещё конкретнее – какова реальная связь (если таковая имеется) между обусловленной принципом Дао китайской духовной и культурной традициями и той, которая выражена русской Идеей? Быть может, прав Ф. М. Достоевский, когда, определяя национальную особенность русской души, указал на её универсальность, на её вселенский характер? Не вступая в спор с великим русским писателем и мыслителем, хотелось бы подчеркнуть: даже если это наблюдение верно, в данном случае оно нам ничего не даёт. Возможная корреляция Логоса и Дао в связи с русской Идеей ждёт более конкретного истолкования.

Для такого истолкования придётся вновь привлечь внимание читателя к бинарной оппозиции «имя – число». Нетрудно заметить в этой связи, что, хотя Дао как форма манифестации традиции Логоса является ступенью лестницы именитства, в знаменитой «Книге Перемен», как показывают исследования, есть отчётливое нумерологическое содержание, т. е. выражение числового начала. Именно поэтому, И цзин и связан по принципу бинарной оппозиции с такой нумерологической системой, как Цолькин. Следовательно, в дополнение к ранее отмеченному соотношению принципов имени и числа необходимо добавить не замеченные ранее моменты.

Прежде всего, приоритет имени в традиции Логоса не означает, что *числа* здесь вовсе нет, как и наоборот, приоритет числа в контртрадиции не означает, что *имени* здесь нет, зато их сущностная природа функционально явлена весьма отличными друг от друга способами. Уместно напомнить, что А. Лосев трактует число, помимо прочих его сущностных моментов, как «*нерасцветшее имя*». Напротив, в культурах и культурах матрицы числовых значений само имя толкуется как *числовой идентификатор*.

В случае с Дао мы можем напомнить, что Конфуций определяет целью своих усилий вовсе не нумерологические изыскания, а принцип «исправления имён» (чжоу мэнь). Составители же Цолькин преследуют совсем иную цель: не именовать (верно или неверно) тайну жизни и тайну света, а выстроить числовую матрицу связи всего существующего с Хунаб Ку – своеобразным живым и разумным ядром галактики. Понятно при этом, что само число у майя понимается и трактуется отличным от китайской традиции способом: И цзин подчиняет число «исправлению имён», Цолькин – имена числовым закономерностям.



Далее: внутри самой традиции Логоса также происходит распределение функций в способах подчинения чисел именам. Прежде всего, здесь уместно вспомнить идею А. Лосева о различении абсолютной мифологии и относительной. Лестница первичных имён есть выражение абсолютной мифологии, или, что то же самое, выражение подлинной онтологии – бытия, Сущности как таковой. Что же касается проекций первичных имён в меоническую онтологию, то понятно, что любые именованья здесь уже не сами первоимена, а всего лишь их символы-метафоры. Миф, Веды, Дао, Эйдос, Слово – символы и метафоры, ибо, по тонкому замечанию Лосева, первичные имена не хуляются материей имязвучия (или материей письменного знака).

Следующий момент обусловлен тем, что символы абсолютной мифологии, по замечанию А. Лосева, суть одновременно категории абсолютной диалектики⁸. Отсюда происходит диалектическое распределение функций в лестнице первичных имён и в их меонических проекциях. Например, Веды акцентируют момент Знания как формы доступа к тайнам Священного. О Дао, напротив, можно сказать словами Лао Цзы: «Кто знает – не говорит, кто говорит – не знает». В эйдетически обусловленной античной культуре действует принцип: знать – значит видеть. В Ведах, напротив, самое знание есть *шрути* – услышанное. В даосской традиции покой, недеяние (У Вэй) есть основа достижения успеха во всякой внешней активности. Тут мы неожиданно обнаруживаем в качестве диалектической оппозиции исихастскую традицию «Умного деланья». У даосов знание – это не деятельность ума, да и не знание является целью, а поворот вспять потоков энергий – от сущего к Уцзи (беспредельному ничто). В исихазме, напротив, *умная молитва* есть условие достижения синергии, т. е. соединения тварной, человеческой энергии и энергии нетварной, Божественной. *Недеяние* в традиции Дао – путь к успеху в любом виде внешней деятельности – от боевого искусства до искусства начертания иероглифов. В исихазме, напротив, первая часть «Умного деланья» называется *праксис*, и эта практическая увертюра есть условие достижения *Феории* – Боговидения, которое есть созерцание Божественного света в состоянии полного безмолвия и покоя.

Мы сопоставляем Дао и русскую Идею. Почему же здесь возникает традиция афонского монашества – исихазм? Потому, что Афон есть духовный центр Православия, а русская Идея – детище именно Православия в его русском варианте. Следовательно, соотношение даоцентричной китайской традиции и *имялогоцентричной* русской Идеи вполне правомерно рассматривать в приведённом выше варианте.

Метафизика есть осознанное и философски отрефлексированное понимание отношения с трансцендентным истоком бытия. А как обстоит дело с антропологической составляющей традиции Дао и русской Идеи? В китайской мыслительной традиции метафизическую трансценденталию, которую мы именуем *Логосом*, следовало бы номинировать как *Уцзи* (трудно переводимый на индоевропейские языки термин, который не имеет однозначного эквивалента в западной метафизике: это и «предельное ничто», и такое ничто, которое одновременно есть потенция всякого бытия). Чжоу Цзунхуа, автор трактатов, исследующих китайскую традицию, отмечает, что Уцзи как начало Тай-Цзи (великого Предела) и есть Дао⁹.

В то же время необходимо подчеркнуть, что смысловое значение Уцзи, несмотря на его подобие греческому термину Логос (в нашем случае этот термин имеет уже не греческий, но отчётливо христианский смысл в качестве одной из ипостасей Пресвятой Троицы, а именно – Бога Слова), не тождественно смысловому содержанию Логоса как принципа. Отличительной особенностью даоцентричной китайской традиции является способность совмещать в одном понятии такие моменты, которые в любой другой традиции, и прежде всего в западной метафизике, обязательно потребуют четкой терминологической артикуляции и различения. В этом аспекте термин Уцзи, несмотря на его отчётливое метафизическое значение, является также и сугубо антропологическим определением: в топологической проекции на человеческое тело Уцзи имеет точную ориентировку, которую китайская традиция, впрочем, обозначает как *Дантянь*¹⁰. Дантянь – это Уцзи, взятое в антропологическом смысле. Метафизика и антропология: то, что в случае западного стиля мышления требует не только терминологического различения, но и строгого философского отграничения (антропология согласно такому различению есть учение о человеке и потому никак не может быть метафизикой), то в случае китайской мыслительной традиции и особенной китайского языка, который принадлежит не к индоевропейскому семейству языков, но к сино-тибетской языковой группе, всё обстоит иначе. А именно: человек как таковой вполне онтологичен и даже метафизичен: он – одна из трёх равновеликих сил. *Небо, Земля и Человек* – равновеликие силы, если они даоцентричны, если они следуют Дао. Графически эта ситуация изображается в Книге Перемен либо триграммой (где верхняя линия обозначает Небо, нижняя – Землю, а срединная – Человека), либо тремя окружностями, одна из которых белая (верхнее Яо) и обозначает Небо, вторая – чёрная (нижнее Яо) – Земля, а третья, срединная (среднее Яо), и есть обозначение Человека, соединяющая чёрный и белый.



Разумеется, христианская традиция также максимально антропологична. Статус человека – «по образу и подобию Божьему» – не уступает статусу человека в традиции Дао и в каком-то смысле его превосходит: быть образом и подобием Бога – это более, чем быть равным стихиям неба и земли.

В русской Идее толкование человека и личности тоже максимально антропологично: для В. Соловьёва, например, человек есть становящийся Абсолют (Бог в становлении). Н. Бердяев пишет о «восьмом дне творения», о третьей религиозной эпохе, когда свободный человек добровольно обращается к Богу, чтобы совместно с ним творить «новое небо и новую землю». Не забудем также, что целью «Умного деланья» в исихазме является даже не спасение души, а *энергийное обожение* человека. При этом обоживается не только душа, но целостный состав человеческой реальности, включая и телесную форму.

Таким образом, сравнение Логоса и Дао как соотношения русской Идеи и китайской сакральной традиции представляет вариант своеобразной комплементарности, который ждёт дальнейших компаративистских исследований.

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №12-33-09003а).

УДК [1:2] (470)+929 Соловьев

УЧЕНИЕ ВЛ. СОЛОВЬЕВА О ХРИСТИАНСКОМ ЕДИНСТВЕ И ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

А. А. Фурс

Саратовский государственный университет
E-mail: melanchton@mail.ru

В статье исследуется основная тема второго периода творчества выдающегося русского философа В. С. Соловьёва, тема церкви. Следует отметить, что Соловьёв выступал за необходимость единства христианских церквей, причем отчетливо отдавал предпочтение католицизму, именно поэтому к протестантизму он испытывал меньше симпатий.

Ключевые слова: католицизм, православие, протестантизм, христианское единство, догматическое развитие.

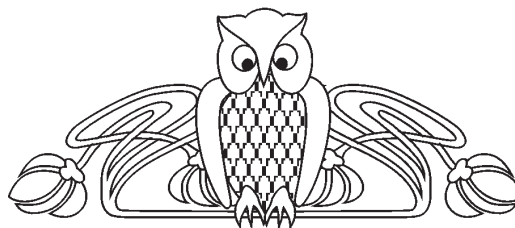
The Doctrine of V. I. Solovjev about the Christian Unity and Protestantism

A. A. Furs

Article considers the theme of church – the main theme of second period of investigation of V. S. Solovjev. It should be noted, that Solovjev

Примечания

- ¹ Григорьева Т. П. Дао и Логос (встреча культур). М., 1992. С. 352.
- ² См.: Фриауф В. А. Язык. Сознание. Человеческая реальность ... Абсолютно Другое. Саратов, 2005. С. 226–230 ; Фриауф В. А. Первичные имена как синергийный код мировой культуры // Синергия культуры : Тр. Всерос. конф. Саратов, 2002. С. 124–127.
- ³ См.: Флоренский П. А. Имена. М. ; Харьков, 1998. С. 508–509.
- ⁴ См.: Петухов С. В. Бинарные субалфавиты генетического кода и языка культуры // Синергия культуры. С. 24–30.
- ⁵ См.: Аргуэльес Х. Фактор майя : внетехнологический путь. Киев, 2010. 304 с.
- ⁶ Там же. С. 44.
- ⁷ См.: Фриауф В. А. Русская идея : язык, время, история // Русская идея как выражение традиции : богословие, философия, литература. Саратов, 2011. С. 4–25.
- ⁸ См.: Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 263–298.
- ⁹ См.: Чжоу Цзунхуа. Дао Тайцзи-цюаня / пер. с англ. Киев, 1995. С. 133.
- ¹⁰ Там же. С. 159.



appeals to necessary of unite of Christian churches, though throw the handkerchief to Catholicism. Protestantism is the least respectable religion.

Key words: Catholicism, Orthodoxy, Protestantism, Christian Union, dogmatic development.

В творчестве замечательного русского философа В.С. Соловьёва отчетливо выделяется три этапа: «чисто умозрительный и славянофильский», «церковно-публицистический» и, наконец, «синтетический»; первый хронологически заканчивается началом 1880-х гг., третий начинается в 1990-х¹. Наибольший интерес для нас представляет второй этап, характеризующийся активной публицистической деятельностью философа. Главными темами его многочисленных